

Н. А. ПОЛЕВОЙ

Некрология

Николай Михайлович Карамзин. 1826

Иногда с изумлением взирая, что судьбам Вышнего угодно бывает вдруг явить на позорище мира обилие великих людей, не замечали мы, что в иное время, по воле Его, смерть быстро, единовременно похищает у нас сии драгоценные залогов Его величия и премудрости? Да не оскорбит неисповедимых судеб Его ропот наш; но горестное чувство невольно объемлет сердце наше, видя, что два прошедшие и нынешний год, во всех странах света, как будто особенно похитили много людей великих и знаменитых, людей, действовавших в конце прошедшего и в начале нынешнего столетия на поприще политическом или на поприще умственной деятельности. Сколько венценосцев в сии годы подверглось общей участи человечества: Король Неаполитанский¹, Король Французский², Король Баварский³, Король Португальский⁴, наконец император Всероссийский⁵ и Августейшая супруга его⁶ кончили земное бытие свое. Исчислим ли другие потери наши? Бейрон⁷, Жан-Поль⁸, Фосс⁹, Ласепед¹⁰, Лангле¹¹, Фатер¹², Жироде¹³, Давид¹⁴, Карпинский¹⁵ и множество других мужей знаменитых угасли мгновенно и быстро, один за другим! Россия с горестию видела смерть нескольких знаменитых сынов своих и — гроб Карамзина, незабвенного Карамзина стал в ряду других гробов. Пламенные желания всех друзей его таланта, всех его соотечественников не устранили рокового мгновения. В летах еще не преклонной старости, уважаемый царем своим, почтенный отчизною, окруженный счастливым семейством и друзьями, он передал Дух свой Тому, Коему вся жизнь его была чистым фимиамом. Поэты русские! усыпьте могилу его цветами скорби! Вы, которым Провидение вручило резец истории и внушило дар высокого красноречия! воздвигните ему памятник нелестного сердечного слова!

С грустным чувством хотим изобразить в немногих словах жизнь и заслуги Карамзина — воздать дань бескорыстного уважения памяти того человека, в котором уважали мы при жизни великого писателя и гражданина. Жизнь Карамзина не обильна происшествиями, как жизнь всякого человека, посвятившего себя литературным и ученым трудам, в тишине своего уединения. Жизнь таких людей ознаменовывается деятельностью духа. И чем более такой человек, тем разнообразнее могла бы быть его биография, если бы мы могли узнать все разнообразие уединенных его занятий, быстроту и силу, с какими принимала душа его впечатления и в образах понятных выражала для других таинственные создания своего созерцания. Но гражданская жизнь литератора и ученого человека не означается многочисленностью фактов, какою отличается жизнь человека, действовавшего на поприще политическом. Карамзин родился в Симбирской губернии, 1765 г., декабря 1 дня. Способы воспитания в то время были еще весьма ограничены, притом Карамзина назначали для военной службы; но дух его рано сказался себе и повлек юношу на другое поприще. Карамзин почувствовал, что ему предназначено действовать на сограждан даром слова; пылкий ум увлекал его в область разнообразной фантазии, требовал высших наслаждений — и с самых юных лет Карамзин решился быть литератором. В цветущей молодости он старался сам себя воспитывать, старался напитаться высокими уроками знаний. Читая путешествие его, видим, что Карамзин, судя по способам учения его, знал необыкновенно много — а ему было тогда только 25 лет! «Путешествие сделалось необходимою потребностью души моей», — говорил он некогда сам. Два года посвятил он путешествию по Европе. Кто из нас не читал и не перечитывал «Писем русского путешественника»? Карамзин с любопытством взирал на просвещение Германии, политическую деятельность британцев, высокие красоты природы в Швейцарии и образованность французов. В путешествии он виделся и беседовал с Кантом¹⁶, Виландом¹⁷, Гердером¹⁸, Лафатером¹⁹, Боннетом²⁰ и другими славными людьми того времени. Сильные, живые мечты свои высказал он в описании путешествия своего яркими чертами. Еще до отъезда своего из России Карамзин занимался уж словесностию: есть его переводы, напечатанные отдельно и в тогдашних журналах. По возвращении же отказался он от всех других упражнений и решился совершенно посвятить себя литературе. Не будем объяснять здесь, каким образом понял он, что должно делать ему в русской литературе и как приняться за свое трудное и обширное предприятие. Оценить

заслугу современного писателя почти невозможно, но если и положим, что сам по себе наступал тогда период нового преобразования в российской словесности и что Карамзин в первых опытах слишком старался уклониться от вкуса и слога тогдашних писателей — то все заслуга Карамзина велика и незабвенна; все ему принадлежит честь последнего преобразования нашей словесности! Понимая, что в юности литературы всего сильнее подействует на соотечественников хороший журнал, Карамзин немедленно приступил к изданию журнала и с 1792 г. появился в Москве — «Московский журнал». Если и теперь так сильны бывают в нашей литературе действия новых изящных порывов смелого таланта, можно представить, какое действие имели на соотечественников сочинения Карамзина за 35 лет? Вскоре сделался он народным писателем: его журнал читали и во дворце и в хижинах. До сих пор сохранилась память, как поэты, литераторы, все, имевшие некоторое требование на образованность, пилигримствовали на берега Лизина пруда и к Симонову монастырю, мечтать и думать там, где мечтал и думал общий любимец Карамзин. Так увлекло всех волшебное перо Карамзина! Два года издавал он «Москов<ский> журнал». В 1794 г., прекратив сие издание, Карамзин выдал отдельно свои стихи и прозу, под скромным названием «Мои безделки», и особую книжку вроде альманаха: «Аглая»; в 1796 г. 1-ю книжку «Пантеона иностранной словесности»; в 1797 г. первую книжку «Аонид»; то и другое издание могут также почесться альманахами. Они продолжались по три года. Карамзин жил тогда в Москве. Событие надежд, всеобщий восторг, произведенный его сочинениями, очаровывали его пылкую душу и отвлекали Карамзина, как говорят современники, от труда постоянного. Впрочем, он тогда не определил еще себе решительно тот род литературы, который мог доставить ему прочную славу. Уверяют, что несколько времени колебался он между критикою и историею, но последняя казалась ему и важнее для самостоятельности литературы русской и открывала поприще, в России совершенно новое и по предмету своему великое. В 1801 г. он уже сказал в стихах на восшествие на престол императора Александра I, что посвящает труды свои истории отечественной. Но потом еще решил заняться изданием журнала. Публика знала Карамзина и услышала об его предприятии с восхищением. Более 1200 экз. «Вестника Европы», начатого в 1802 г., было раскуплено в первый год. «Вестник» показал, как созрели необыкновенные дарования Карамзина в течение десяти лет, протекших после издания «Московского журнала». Исторические и поли-

тические статьи явили талант его с новой блестящей стороны. В 1803 г. император Александр I, обратив внимание на предприятие Карамзина, удостоил его звания историографа и в 1804 г. наградил чином надворного советника, доставив средства к беспрепятственному совершению оногo. Тогда Карамзин издал вполне свои сочинения и отказался от других занятий литературных, посвятив все время на важный подвиг — сочинение «Истории Российской». Трудность сего предприятия нелегко вообразить. Но Карамзину было предоставлено преобразовать русскую словесность и научить соотечественников любить и знать свою историю. Двенадцать лет занимался Карамзин. В 1811 г. он читал Историю свою государю императору, был ободрен его вниманием (император пожаловал ему в 1810 г. орден Св. Владимира 3 ст., а в 1812 г. чин коллежского советника) и удовлетворил нетерпеливым ожиданиям соотечественников, в 1816 г. решившись издать 8 томов «Истории государства Российского». Труд сей всегда будет велик, хотя со временем, вероятно, История достигнет высшей степени и в самом выражении и в сущности. То неоспоримо, что История гос<ударства> Росс<ийского> была первое творение русское, переведенное на иностранные языки и ознаменовавшее рождающуюся самобытность русской литературы. С 1816 г. до самой смерти Карамзин жил в С. Петербурге, трудился над историею и наслаждался тихим вечером жизни, ознаменованной всеобщим уважением и славою. Государь император удостоивал Карамзина личным благосклонным вниманием, и в 1815 г. наградил его орденом Св. Анны I степ<ени> и чином статского, в 1824 г. действительного статского советника. Три тома Истории Г<осударства> Р<оссийского> выданы были Карамзиным до 1825 г. Здоровье его ослабевало, но дух был еще бодр. Карамзин надеялся довести повествование до важной эпохи восшествия дома Романовых на престол России. Потом, если силы позволят, издать тома в двух обзор русской истории до Петра Великого и до вступления России в круг европейской политики.

Но не так определило Провидение! Жестокая болезнь расстроила в 1825 г.²¹ здоровье Карамзина; горестная весть о кончине государя благодетеля поразила его чрезвычайно²². Напрасно истинно царское великодушие и участие императора Николая Павловича услаждали последние дни его. 13 мая государь император определил Карамзину, по случаю отъезда его за границу, 50 тысяч рублей, обращая сумму сию в пенсион пожизненный, с тем, чтобы по смерти производился оный жене его и детям, и кроме того повелел снарядить особенно фрегат, на ко-

тором Карамзин мог бы отправиться для поправления своего здоровья в благорастворенном климате Прованса или Италии — 22 мая, во 2-м часу пополудни, Карамзин скончался. 25 мая он похоронен на кладбище Александро-Невской лавры, там, где покоится прах великого Ломоносова.

Тридцать четыре года русские восхищались творениями Карамзина. С воспоминаниями юности нашей сливается воспоминание наслаждения, какое чувствовали мы, читая его творения, с пламенным жаром сердца, жадного новых чувств и ума, раскрывающего очаровательный мир мыслей. Почтим благодарным, неизменным воспоминанием память Карамзина²³. Имя его будет незабвенно в истории нашего просвещения. Душа писателя видна в творениях²⁴. В первых сочинениях Карамзина узнаете согревающее душу чувство добра. В последующих раскрывается его обширный ум и неизменная до самого гроба любовь ко изящному и ревностное усердие ко благу и счастью человечества. Кроме 12 томов «Истории государства Российского», сочинения Карамзина (изд.: М., 1820) составляют 9 томов; к ним после присовокуплено было еще 9 томов разных переводов его.

